

Предупреждение Мохсена Махмальбафа

Мишель БАИЕН

Впервые фильм иранца Мохсена Махмальбафа "Кандагар" был показан в Каннах в мае 2001 года. Осенью, когда началась война в Афганистане, фильм вышел в прокат в ряде европейских стран. В октябре ЮНЕСКО наградило Махмальбафа медалью Феллини за вклад в кино и поддержку афганских женщин. Не исключено, что "Кандагар" будет выставлен Ираном на соискание "Оскара" за лучший иностранный фильм.

Полудокументальная лента рассказывает об афганской журналистке, Нафас (Нилуфар Пазира), эмигрировавшей в Канаду. Она пытается вернуться в свою страну, чтобы спасти сестру, решившую покончить жизнь самоубийством до очередного солнечного затмения.

— Сегодня ваш фильм неожиданно стал невероятно актуальным.

— Когда я его снимал, никому в мире не было дела до Афганистана. Это была забытая всеми страна. Я пытался напомнить людям, что афганцы страдают, что они находятся на грани вымирания. Меня слушали вежливо и равнодушно. А после 11 сентября все

только и говорят, что об Афганистане. Причем все афганцы объявлены террористами. Никто толком не представляет себе, в какое положение поставили талибы местное население.

— Как родилась идея фильма?

— Три года назад Нилуфар Пазира, она впоследствии стала героиней фильма, пришла повидаться со мной в Иране. Эта афганская журналистка когда-то эмигрировала в Канаду. Она сказала мне, что получила письмо от подруги, которая живет в Кандагаре, одном из оплотов талибов. Эта женщина писала, что хочет покончить жизнь самоубийством, потому что у нее не осталось никаких надежд на будущее. Нилуфар сказала мне: "Если не боитесь, поехали вместе". Я подумал, что женщине ехать гораздо опаснее, чем мужчине, и предложил, чтобы она осталась, а я съездил вместо нее. Я должен был понять, почему афганский народ потерял всякую надежду на будущее.

— Вы отправились в Афганистан?

— Да, прошлым летом я тайно проник на территорию Афганистана. Это трудно: около 900 километров границы вообще не патрулируется. Я отстриг бороду, переоделся афганцем. Я должен был вести себя осторожно, потому что талибы не доверяют иностранцам. В 1988 году я снимал в Афганистане фильм "Велосипедист". В то время весь мир следил за событиями в Афганистане, потому что афганцы сражались против СССР, против коммунистов. После падения Берлинской стены все это стало неактуально, и мир забыл об афганском народе. Почему? Потому что от Афганистана нет никакой экономической выгоды.

— Вы считаете, что талибы пришли к власти благодаря равнодушию мирового сообщества?

— К тому времени страна была обескровлена нескончаемой гражданской войной. В 1996 году талибы пришли в Кабул с белым флагом. Афганцы поверили, что война окончена. Но вскоре началась новая бойня. Афганцы снова погибали — теперь уже из-за противостояния талибов и интегров. И никто об этом не говорил. Конечно, всех волновала судьба статуи Будды, но неужели в нашем мире статуи значат больше, чем человеческие жизни?

— Вы считаете, что кино может что-то изменить?

— Я просто хотел разорвать порочный круг всеобщего молчания. Я снимал фильм за год до событий 11 сентября, когда упоминание об Афганистане казалось дурным тоном. Эта страна граничит с моим родным Ираном, однако до поездки туда я понятия не имел, что там разворачивается ужасная трагедия. Для иранцев Афганистан означает три вещи — наркотики, беженцы и фундаменталисты — три вещи, с которыми они не хотят иметь ничего общего.

— Фильм "Кандагар" начинается со сцены в лагере беженцев. Афганская семья хочет вернуться обратно. Почему?

— Каждый третий беженец в мире — афганец. Тем, кому посчастливилось перейти границу, приходится скрываться. Но их отлавливают, отправляют в тюрьмы, судят и отправляют обратно в Афганистан. У них нет другого выхода, кроме как вернуться в родную деревню.

— Вы прослеживали их судьбы в Афганистане?

— По вполне понятным причинам мы не могли снимать в Афганистане. Мы остались на афгано-иранской границе. Но и там было совершенно ужасно.

— Насколько ваш фильм документален и насколько — вымышлен?

— "Кандагар" — нечто среднее между документалистикой и художественным фильмом. Я превратил историю Нилуфар Пазира в сценарий, кое-что изменил, переименовал ее в Нафас, что означает "дыхание" на афганском языке. Многие мы снимали скрытой камерой. В ряде сцен играли непрофессиональные актеры. Рассказанная в фильме история Хассана Тантаи — подлинная. Это афроамериканец, врач, он приехал в Афганистан, чтобы участвовать в исламской революции и сражаться с русскими. И остался навсегда.

— Как проходили съемки?

— Тяжело. Точнее, просто ужасно. Мне все время хотелось плакать. Я не мог спокойно смотреть на то, что сделали со страной талибы. Я помню, как в лагерь прибыла группа из 40 человек. Половина была без ног — их оторвало минами. В мирное время каждый день на минах подрывалось около 10 человек! Большинство беженцев надеялось перейти ирано-афганскую границу. Они умирали от голода, это была их последняя надежда. Каждую ночь они бродили вокруг лагеря, как призраки, искали еду. Мне было стыдно перед этими людьми. Целую неделю мы занимались раздачей продовольствия. Распределили между беженцами около 5 тысяч батончиков хлеба. Капля в море. Я привез из Тегерана врача, он помогал

этим людям, как мог. В основном, консультировал, потому что лекарств на всех все равно не хватило бы. Мы пытались хоть как-то помочь.

— Вы верите, что фильм поможет улучшить их положение?

— Не знаю. Широкая публика не пойдет смотреть этот фильм. Люди ходят в кино развлекаться. Когда я был в Герате, вдоль дороги сидели 20 тысяч человек. Все они умирали с голода. В этот момент я подумал, что кино — дерьмо. Я был в отчаянии. Единственное, что меня утешало, — во время съемок мы все же смогли накормить нескольких человек. Мне очень тяжело вспоминать то, что я пережил там, на границе. Мне хочется верить, что судьбы афганских женщин изменятся к лучшему, но верить в это очень трудно.

— Вы нашли подругу вашей героини?

— Нет. Мы так и не узнали, что с ней произошло. Надеюсь, наш фильм будет воспринят как рассказ обо всех афганских женщинах. Их жизнь ужасна. У них нет документов, их не регистрируют при рождении, у них нет права ходить в школу. С 9 лет они обязаны носить чадру. В юном возрасте их выдают замуж за пожилых мужчин. Вдовам остается лишь один путь — в нищенки.

— О вас говорят, что в прошлом вы были ярким исламистом, выступали против шаха Ирана, были партизаном Хомейни, а этим фильмом вы возвращаете себе "политическую девственность".

— Думаю, эти гнусные инсинуации исходят со стороны Запада. Кто ставил мины, на которых взрываются мирные жители? Кто поставил оружие талибам? Все современные методы войны проникли в Афганистан с Запада. Почему Запад так быстро пришел на помощь Кувейту, но не стал помогать Афганистану? Европа избрала путь замалчивания, а Америка приняла сторону талибов.

— Вы не ответили на вопрос.

— (Пауза). Не забывайте, что в момент моего увлечения идеями Хомейни мне было всего 17 лет. Это стоило мне четырех лет тюрьмы. У меня остались шрамы на память об этих годах. Сегодня я хочу сказать моим соотечественникам только одно: не увлекайтесь фундаментализмом. Экстремизм всегда опасен. Этот фильм — предупреждение. Всем нам.

Махмальбаф Мохсен

07.08